

Татьяна Грац

Я тебя слышу

Литературный конкурс
«Книготерапия»

Победитель
в номинации
Крупная проза

Литрес

18+

Татьяна Грац

Я тебя слышу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68644918

SelfPub; 2024

Аннотация

Человек нуждается в том, чтобы его УСЛЫШАЛИ. Я поняла это, когда вокруг меня сомкнулся кокон равнодушия. Вечно скандалящие родители, подруга, интересующаяся только своими проблемами, парень, отношения с которым превратились в привычку... Если старенькая окушка стала моим утешением, а йогурт – единственной из-за стресса едой, значит, что-то пошло не так. Что именно, я осознала только в тот день, когда меня действительно слышали. Но сперва услышала я. Звуки музыки, взволновавшей мое сердце.

Содержание

Пролог	4
Запах бунтарства	11
М-19	24
«Я тебя слушаю»	35
Не каждое фортепиано – пианино	49
Резвая окушка	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Татьяна Грац

Я тебя слышу

Пролог

Я сидела в своей комнате и чувствовала, как у меня дрожат руки. То ли от злости, то ли от нервов. Скорее второе, потому как еда, съеденная час назад, просилась наружу. Еле сдерживала в себе это ощущение. Плакать уже не хотелось, ведь слезы слишком шумные. Они могли «преломить» те крики, что за стеной. Страшные вопли, когда мой отец орет благим матом, а мама подхватывает и продолжает. Как же так? Мы семья. Я все еще ждала, что это закончится. Мама войдет в мою комнату и признается, будто это розыгрыш. Лживая сценка, отрепетированный скандал.

– Ты меня достала! Дай спокойно отдохнуть после работы. Так нет же! Пилит и пилит, пилит и пилит! Тебе надо пилой работать на лесопилке! – кричал отец.

– Да-да-да! Тоже мне, мученик нашелся! Между прочим, кто ужин приготовил?! Кто квартиру всю отдраил?! Ты хоть что-нибудь замечаешь вокруг себя?! Я устала уже от всего этого, ты даже мои элементарные просьбы не выполняешь! – не уступала мама.

И так по кругу. Когда аргументы заканчивались, родители

замолкали. Всего на минуту, потом находилось что-то еще. Они не могли спокойно поделить пульт от телевизора, стлквивались на тесной кухне или спорили, кто и где сегодня ляжет спать, потому что в одной постели спать уже не хотели. И давно.

Мне жаль осознавать, что я не выдержала в этот раз. Просто оделась в любимые черные джинсы, отыскала первую попавшуюся майку, взяла ключи и вышла из своей комнаты. По пути к заветному выходу я обернулась и наткнулась на тарелки, которые по-прежнему стояли неубранными на столе в кухне после ужина. В сердце что-то скрипнуло. Едва пере-силив себя, я пошла дальше. Родители были в зале, отсюда меня им не видно. Их голоса немного утихли, но это не изменило моего решения. Я обула ботинки и тихонько прикрыла за собой входную дверь.

Несколько лестничных пролетов – и я уже рядом со своей машиной. У нее подбит правый бок, одна фара скоро померкнет, краска на бампере осыпалась, а днище съела ржавчина. Это не удивляет, когда машине почти пятнадцать лет. Но она моя любимая старушка, ласково зову ее: «окушка». Я купила ее сама в том году с рук, на большее мне просто не хватило денег. Но машина была нужна, чтобы ездить в универ, на работу, мотаться по делу и без дела.

Как раз сегодня был подходящий случай. Я убежала из дома от шумных родителей. Пусть поломают голову, подумают над своим поведением, а я перекантуюсь у бабушки. Она

жила недалеко, примерно десять минут на машине отсюда, если без пробок.

А вот и первый звонок. Я сидела за рулем, а телефон вибрировал на соседнем сиденье. Хотелось выкинуть его из машины, потому как сейчас я не готова разговаривать с мамой. Где было ее внимание, когда я сидела за ужином? Почему какое-то обычное поглощение еды должно было закончиться очередным скандалом? Мне этого не понять. Пусть звонит.

Я благополучно добралась до бабушки. Она тоже жила в квартире. Но одна. Я поднялась на лифте, негромко постучала кулаком по двери, надеясь, что бабушка услышит, но не испугается звука. Внутри квартиры работал телевизор, по-любому – вечерний сериал. Бабушка их обожала, могла просидеть за ними до полуночи. На удивление дверь достаточно быстро открылась передо мной, и я вошла.

– Привет. Я переночую здесь.

– Маша, что так поздно? Ночь на дворе. Ты на машине?

– Да.

– Опасно. Что же ты даже не позвонила? – причитала бабушка.

Но все было понятно по моему взгляду. Я так посмотрела на нее. В моих глазах читалось многое – от полного угнетения до раскаленной злости. Я перестала терпеть эти чувства и переживать их в себе. Еще немного – и я бы бросилась на эту старую женщину с объятиями и со слезами, чтобы обо всем рассказать. Кое-как держала себя в руках лишь из-за

того, что не хотела делать ей больно, настолько больно.

– Опять они за свое? – догадалась бабушка.

Я молча кивнула и закрылась в комнате. Когда-то эта комната была моей детской: старые обои с милыми животными, прикроватная розовая лампа, узкая кровать и мой маленький письменный стол. Очень давно мы с родителями приходили ночевать к бабушке и дедушке. Я спала в этой комнате. По воскресеньям мы гуляли в парке и катались на каруселях, ели мороженое в стаканчиках. Но все ушло. Осталось в прошлом. Дедушка умер три года назад, родители стали ненавидеть друг друга, а я из милой златовласой пятилетней девчушки превратилась в дылду с умершими от краски светлыми волосами.

На той неделе мне исполнилось девятнадцать лет. Родители, конечно, устроили мне праздник. Сначала все шло неплохо, как задумала мама, а потом вмешался папа, сделал что-то не так. И пошло-поехало. Это как кукловод дергает за ниточки, и кукла начинает двигаться. То же самое происходило в нашей семье. Стоило папе дернуть за опасную ниточку, начиналось движение.

– Маша здесь, у меня. Все хорошо.

Нужно было догадаться, что бабушка обязательно позвонит маме, своей дочери. Она всего лишь выполняла свою функцию по заботе. Заботилась обо мне и о маме. Но больше не лезла в скандалы. Она их терпеть не могла. Поэтому разговор закончился на фразе «все хорошо».

Бабушка долго не решалась зайти ко мне. Я чувствовала ее рядом с дверью. Сев на кровать, приготовилась к новой эмоциональной волне. Через пару секунд она вошла. Неторопливо перебирала ногами, как еще говорят, семенила. Она села рядом со мной и положила свою теплую ладонь поверх моей. Но мне не стало легче.

– Ты уже взрослая девочка. Тебе нужно научиться контролировать себя. Не позволяй эмоциям овладевать тобой.

– Бабушка, но ведь у вас с дедушкой все было по-другому...

– Мы тоже иногда ссорились, потом мирились. Все было. А как же? Это жизнь, – бабушка странно улыбалась, поглаживая теперь мою костлявую спину. – Хочешь чаю?

– А можно питьевой йогурт?

– В холодильнике, специально для тебя стоит.

Бабушка тихонько похлопала меня по плечу и поднялась на ноги. Это означало, что я должна пойти за ней. И неважно, что йогурт можно выпить прямо в комнате. В этом доме было свое правило: вся еда только за столом. Пришел в кухню, сел за стол, поел и вышел. Никаких перекусов перед телевизором!

Я упала на кровать и закрыла глаза. Мне так хотелось оказаться в параллельной вселенной, стать кем-то другим и сделать все иначе. Мечтала начать все сначала, отключить свои чувства, забыть свою жизнь, как плохой сон. Но реальность держала меня здесь, по-прежнему на плаву. Перед глазами

стоял незаконченный универ, в котором я училась на лингвиста; рассорившиеся родители, прожившие до этого душа в душу двадцать лет; моя маленькая работенка в ресторанчике быстрого питания; и та самая мама мамы, позаботившаяся обо мне в этот вечер.

Мои мысли перебил звук сверху. Я взглянула на часы и довольно хмыкнула. Подобное уже происходило. Каждый вечер в 21:00 в бабушкином доме, этажом выше, звучала музыка. Кто-то играл на фортепиано. Это продолжалось примерно года четыре, если не больше. Звучала классика, современный рок и парочка совсем неизвестных мне мелодий. Сегодня это был Бах. Точное название композиции я сказать не могла, да и в телефоне было искать лень.

Клавиши то грозно брякали, то мелодично разыгрывались. Но было все равно грустно. Я представляла себе маленького мальчика (хотя могла быть и девочка), которого заставляли играть, потому что надо. Что для него готовили родители? Судьбу прославленного пианиста? Неужели еще кто-то верил, будто остались места на этом поприще. Мне казалось, что знаменитых пианистов сейчас столько же много, сколько и юристов.

Другое дело, если этот мальчик сам изъявлял желание играть. Тогда мне представлялся теплый свет лампы и маленькие пальчики, бегавшие по клавишам. Рядом с ним сидела женщина, его мама. Она аккуратно переворачивала нотную тетрадь, чтобы мальчик не останавливался и продолжал иг-

рать. Может быть, в этой комнате еще находился отец и пил свой вечерний чай под Баха. Почему нет? Ведь здорово, когда можно представить подобное. Жаль, что в моей семье такое больше не представлялось возможным.

– Маш, идешь? – позвала бабушка из кухни.

«Конечно, иду», – мысленно ответила я.

Меня ждало еще много вечеров с бабушкой. Я не могла уйти из этого дома, пока... а что пока? Пока мои родители окончательно не разойдутся? Или я ждала, что они помирятся? Одно было ясно точно: я больше не выдержу наблюдать их ссоры. Поэтому пока решила остаться здесь. В доме, где еще существовал семейный очаг, не погасший благодаря маме мамы.

Запах бунтарства

– Однажды она развалится, точно тебе говорю!

Это рядом на сиденье в машине умничала Яна. После того как я распиналась ей полчаса про родителей, она говорила мне обидные слова про мою окушку. Я подвозила ее до универа, мало того, до этого стояла с ней в кафешке в очереди за утренним кофе, а она еще посмела отпускать комментарии о моей машине!

– Не обижай ее, малышка такого не потерпит, – предупредила я и сразу же погладила руль окушки.

– В этом твоя проблема. Ты намертво приклеиваешься к дряхлым вещам. Сколько лет твоим джинсам? И эта гребаная майка. Сколько ты ее уже носишь? А?

– Ты права. Сколько лет я дружу с тобой? Может, мне пора обновить компанию? – я решила подыграть подруге.

Яна толкнула меня в плечо и засмеялась. Ей не нужны мои проблемы, были интересны только свои. Она слушала меня ради того, чтобы найти зацепку и переключиться на себя. Ведь жизнь Яны важнее. У нее полноценная, благополучная семья, сама она всегда одета с иголки, родители ей купили квартиру. В доме имелись деньги, так что Яне работать не приходилось. Она сдала на права, но почему-то до сих пор в универ подвозила ее я. Так мы и жили.

Еще Яна недавно победила в конкурсе «Мисс Универси-

тет». Что говорить, она красивая. С накрученными черными волосами и слегка подкачанными губами. Ее руки всегда нежные и приятные, такие гладкие. Мне казалось, это диагноз – держать рядом с собой человека в два раза лучше себя. Я была той самой некрасивой подружкой Яны. И ни капельки не жалела об этом. Меня устраивало мое место.

– Ты снова на диете? – Яна случайно заметила пустую бутылку йогурта между сиденьями.

Сколько бы раз я ни объясняла, что не сижу на диетах, как об стенку горох! Честно! У меня нервы. А когда у меня нервы, я не могла есть. Совсем ничего. Это всегда продолжалось долгое время – неделю, месяц. Чтобы не сдохнуть с голодухи, пила хотя бы йогурты, ряженку или кефир. Проще говоря, переваривала продукты только из класса кисломолочных. Сейчас как раз был такой период. Меня выворачивало от пирожка, который Яна держала в руке. Она так смачно его кусала. Фу.

На мою удачу, мы подъехали к универу. Я поспешила распрощаться с подружкой, сама покатила дальше. Так как я с сентября перешла на индивидуальный учебный график, теперь в универ можно было ездить реже. Май закончился, мне осталось сдать один экзамен. Все рефераты и зачеты уже позади. Я была почти на третьем курсе.

Припарковалась у работы и вылезла из машины. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы закрыть водительскую дверцу окушки. Она то и дело открывалась обратно.

Знаю, она своим жестом говорила: «Беги! Беги из этого ресторанчика, от этих людей». Особенно от того, кто стоял на пороге и с наслаждением покуривал электронную сигарету. Или парил, выпускал пар изо рта. Мой парень. Да-да, у такого ничтожества, как я, обязательно должен был быть парень. Такой, как Глеб. Среднего роста, немного раскормленного телосложения, но не слишком, с водянистыми темными волосами и предрасположенностью к сахарному диабету. Но последнее пока не проявлялось, затаилось перед бурей.

Подойдя ближе, я остановилась. Глеб, как всегда, придвинул меня к себе замусоленной от гамбургеров рукой и поцеловал в ухо через волосы. Было противно до жути, но он единственный, кто выносил мое тело. Глебу было пофиг на мою худобу и пищевое расстройство.

– Привет. Ты сегодня опоздала, у нас мало времени.

– Пошли, – кивнула я в сторону кафешки.

Глеб спрятал в карман сигарету и обвил мою талию, постепенно спустился рукой на бедро. Мы зашли в здание через вход для персонала, миновали коридор и закрылись в подсобке. Темнота в комнате была только на пользу: Глеб не заострял внимание на моих ребрах, а я могла полностью расслабиться и почувствовать себя уверенно. Когда Глеб приступил к моей шее и начал ее целовать, я спешно стянула с себя джинсы. Он подхватил меня и усадил на тумбочку. Обычное дело, даже в темноте мы отлично ориентировались в комнатке. Знали что и где находится, действовали тихо

и свободно.

Глеб больно схватил меня за бедро, когда вошел. Он не мог контролировать свои руки, когда занимался со мной сексом. Запросто мог надавить на шею или оставить синяки на моем теле. Я откинула голову и отдалась ощущениям, происходящим со мной в этот самый момент.

Сидя на холодной тумбочке в комнатке без окон, со спертым воздухом, обхватив ногами потное тело парня, я забывала свою боль. Глеб тихо рычал, запыхавшись, но не отступал, стараясь получить желаемое. Я не желала ничего. Сидела, как кукла, почти неподвижно. Было любопытно, что чувствовал Глеб. Казалось ли ему, что он трахает манекен? Вот он поднес ко мне свои губы. Их нужно поцеловать. Я поморщилась и сделала это, ощущая на языке примесь невыносимой сладости от сигареты и чего-то острого, типа кетчупа или специй к булке. Быстро закончила поцелуй. Вряд ли кому-то понравилось бы, что девушку стошнило бы во время секса.

– Ты какая-то холодная сегодня, что ли, – сказал Глеб, застегивая свои штаны.

– Извини.

Вот что он почувствовал. Я холодная. Только и всего. Пусть так. Я не стану заикаться о том, что происходит в моей жизни. Бесплезно. Глеб получил свое, теперь мы свободны друг от друга на несколько дней. Пока ему снова не приспи-

чит.

Было ли по-другому раньше? В начале отношений? Мне, семнадцатилетней девчонке, думалось, что да. Было. Глеб держал себя в форме, занимался плаванием и следил за собой. Был опрятным парнем с чистыми руками и позитивными мечтами о будущем. Но все это было до того, как ему отказали в поступлении. Глеб хотел отучиться на переводчика и укатить за границу. Не свершилось. Бюджетные места закончились, а деньги на платное обучение взять было неоткуда. Вот он и устроился в ресторанчик фастфуда, куда позже затащил и меня. Только денег от этого больше не стало. Глеб тратил свою зарплату на выпивку, посиделки с друзьями на выходных в баре, иногда ходил на различные квесты. Пытался поймать адреналин, убегая от мнимого убийцы в темноте.

– Как мама? – спросила я, одновременно подготавливая рабочее место к новому дню. У нее как раз таки был сахарный диабет.

– Врач назначил новое лекарство.

– Оно лучше?

– Оно дороже. Хотел купить себе байк, летом погонять.

Похоже, планы пошли по...

– Я могу помочь. Обращайся, если вдруг не хватит на лекарство.

Глеб кивнул. Он знал, что я серьезно об этом. У меня действительно лежал небольшой денежный запас на крайний

случай. Как мне показалось, пожертвовать накопления на лекарство больной матери моего парня – это лучшее решение.

– Вечером найду.

– Я у бабушки, так что сама принесу на неделе.

– У бабушки? Соскучилась, что ли? – «что ли» было основным словом-паразитом Глеба.

– Родители поругались.

– А-а-а.

«А-а-а»? И все? Вот это поддержка. Я боялась представить, как Глеб поддерживает свою маму. Она говорит ему, что ощущает постоянную слабость, хочет есть и не спит ночами. Тогда Глеб спрашивает: «Почему?» Женщина заикается про сахарный диабет, и он в ответ тоже протягивает свое «А-а-а»?

Моя работа. На самом деле не было ничего сложного, но сильно выматывало. Я стояла на кассе и принимала заказы. Еще умела делать «вредные» булочки с котлеткой и сыром. Могла наливать газировку в бумажные стаканчики. И каждый раз следить за тем, чтобы программка по присвоению номеров заказчикам работала исправно. Начальство не одобряло мои светлые локоны, когда те вываливались из-под рабочей кепки. А я не одобряла фирменную футболку, которая была в два раза больше меня.

Глеб сегодня по большей части стоял на кассе, а я – на кухне. Вот только что состоялась приемка. Пришлось таскать

коробки с замороженными котлетами. Волосы под кепкой уже взмокли. Только девять утра. После я готовила картошку фри для посетителей, наливала им кофе и желала хорошего дня. Потом приходил мужик и гневно просил зарядку для телефона. Глеб добродушно послал его в магазин напротив, где продаются аксессуары для телефонов, ведь у нас имелись только розетки для зарядки. А еще в зале появилась компания подростков. Они такие странные. Девчонки в папиных рубашках (огромные клетчатые рубашки оверсайз), все с черными стрелками на глазах и в клепаных джинсах. В кроссовках на платформе. У мальчиков волосы были уложены в стильные прически. Это как если бы они только что из салона выходили. Все в костюмах – черно-белые шорты и бело-черные майки. С надписями «выключить черный» и «выключить белый». Но меня удивлял не их внешний вид, а их свобода. Они так свободно общались, могли себе позволить зайти с утра в кафешку. Они не думали ни о чем глобальном, просто сидели и ждали свою картошку.

И я. Почти одинакового возраста с ними, но совсем другая. Мне нужно было все: заработать карманные деньги, подготовиться к экзамену, выслушать Глеба, подвезти подругу, сдерживать эмоции. Контролировать себя и свою жизнь. Мне не приходило в голову шататься по кафешкам, зато отлично могла себя представить в продуктовом с тяжелыми пакетами, набитыми едой и бытовой химией. Мне нужно было постоянно думать о чем-то или о ком-то, задвигать свое «я»

на второй план. И обязательно молчать. Молчать обо всем, что происходит внутри.

– Чувствую запах бунтарства, – реально приняв себя, сказал только что подошедший на рабочее место Даня.

– О чем ты? – я очнулась от мыслей.

– Мясо горит, – наклонившись к моему уху, шепнул он.

– Зараза!

Очередной раз выругавшись на котлетку, я сняла ее со сковороды и положила на то место новую. Теперь главное – не засмотреться на Даню. Даня мне нравился, но он был занят. У него имелась девушка Лариса. Даня работал здесь давно. Поговаривали, будто его сестра купила франшизу, чтобы открыть эту кафешку.

Даня – легкий по характеру, плечистый и с большим торсом. Фирменная кепка была ему к лицу, особенно когда надета задом наперед. Даня чаще работал на доставке, поэтому я его редко видела. Но когда видела – терялась. Порой его вежливость воспринимала как симпатию. Знаю, это мой мозг, он так устроен. Все из-за недостатка комплиментов и внимания. Именно поэтому я испортила вторую котлетку, пока улыбалась Дане.

– Котлеты сегодня не твоя тема. Что-то случилось?

– Поссорились м...

Я тормознула. Какой смысл рассказывать Дане о моих родителях? Что он сделает, чтобы их помирить? Ничего. К тому же ему вряд ли была нужна эта информация. Я попробо-

вала перефразировать:

– Поссорились мы с котлетами. А у тебя что? Разве ты не на доставке?

– Сегодня придет новенькая, буду ее обучать.

Я кивнула. Еще одна девочка в мою смену. До этого я была единственной. Пришлось фальшиво улыбнуться, якобы скрыть откуда-то взявшуюся ревность. Даня проведет целый день с новенькой. Будет хвататься за ее руки, чтобы вместе перевернуть мясо вовремя. Или станет показывать, как работает фритюрница. Они пройдутся по всем закромам рестораника, отобедают вместе. Представив это, мне сразу же захотелось стать новенькой.

Дверь кафешки распахнулась, сигнализируя о новом посетителе. Я по привычке обернулась, хотя касса сегодня не моя. Пришла в ужас, увидев свою маму. Она уверенно шла в мою сторону, а я не представляла возможным от нее спрятаться. Мне не хватало только прилюдного скандала. Я тут же пожалела, что не отвечала на ее звонки. Мама подошла вплотную к кассе и немного перегнулась через столешницу.

– Маш, – позвала она и указала рукой на выход.

Я попросила Даню подменить меня и сняла фартук. Вышла через заднюю дверь во двор и стала ждать, когда здесь появится мама.

– Убежала, никому не сказав, напугала бабушку. Разве так можно? – едва мама оказалась на месте, сразу же стала за-

трагивать болезную тему.

– Мам, ну правда надоело!

– Мы с отцом больше не будем срываться. Мы обо всем договорились. А ты, вместо того чтобы убежать, могла бы помочь.

– Прости.

Я прислонилась спиной к стене и посмотрела вниз. Почувствовала себя виноватой. Вдруг мама права, и я, едва заметив проблему, сбежала из дома, как трусиха? Может, не нужно было так спешить с выводами? И все наладится?

– На выходных мы едем в лес за грибами, – сказала мама.

– Как раньше? – удивилась я.

– Как раньше. Возьмем с собой еду и плед, наберем грибов, потом сядем на полянке и поговорим. Как тебе идея?

– Отлично!

– Тогда до вечера? – с надеждой посмотрела на меня мама.

– Я проживу до конца недели у бабушки. Помогу по дому, и все такое. Ну, ты понимаешь.

Мама улыбнулась и обняла меня. А я ее в ответ. Мое настроение улучшилось.

Котлеты в этот день больше не пригорали к сковороде, меня даже почти не тошнило от их запаха. Я радостно смотрела на посетителей, протягивая им пакеты и подносы через столешницу. Даня носился с новенькой, которая заявила к двенадцати. Глеб продолжал доматывать меня своей несбывшейся мечтой о байке. Работы под вечер навали-

лось столько, что нам не хватало рук готовить заказы. Оно и понятно, школьники теперь на каникулах. Я бегала по кухне, стремясь выполнять сразу по три заказа. Мой живот урчал до боли, я забыла его напоить йогуртом. Но было не до этого. Все требовали побольше картошки фри и куриных наггетсов.

К концу смены я выдохлась. Громко рухнула на стул, сняла кепку и стала ей махать перед лицом.

– У тебя волосы дыбом, как у Рика Санчеса¹, – пошутил Даня, собираясь домой.

– Еще бы, такая движуха! Спасибо тебе, что не бросил в трудную минуту. Кстати, как новенькая?

– Лиза окончила школу с золотой медалью. Целеустремленная. Думаю, проблем не будет.

Я показала большой палец в знак одобрения. На этом и распрощались. После подвезла Глеба до дома, выдержала еще один гадкий поцелуй и еще одну обидную шутку про мою машину. Но была крайне терпелива после новости о поездке в лес. Надежда теплилась во мне, заставляла верить в то, что все еще можно спасти. Родители любят друг друга, даже замышляют совместный отдых.

Именно об этом я рассказала бабушке, когда вернулась домой. Пила с ней чай на кухне и закрывала глаза от наслаждения. Я дома. Сидела в кресле, где раньше за обедом дремал с газетой дедушка. Телевизор работал еле слышно. Ровно в девять вечера его заглушили клавиши фортепиано. То-

гда бабушка выключила черный ящик и стала слушать мелодию, доносившуюся сверху. Сегодня это был Бетховен с его «Лунной сонатой».

Музыка заставляла думать о чем-то из прошлого, о глабоком. Передо мной сразу же всплыли картинки. Когда я во втором классе подло пошутила над девочкой – прилепила в ее волосы жвачку. Не из-за вражды какой-то, на спор. Весь класс смеялся над бедняжкой. А мне до сих пор стыдно. Или как папа втайне от мамы покупал мне после школы чипсы. Я радовалась этому секрету и ела их. Мама тогда удивлялась, отчего это у ребенка разыгрался гастрит. Еще Белик. Наш кот, который ловил моль. И мух. Это были его обязанности. До тех пор, пока он не подавился костью, которая застряла у него в горле. Можно подумать, что в этом была виновата соседка, угостившая его рыбой. Но нет. Просто несчастный случай.

Перед тем как уйти к себе в комнату, я снова вспомнила о Дане. *А было бы круто, если бы...* Потом закусила нижнюю губу и отрицательно помотала головой. Даня ни за что и никогда не станет моим. Исключено. Для успокоения душевных волнений отправила сообщение Глебу с вопросом о самочувствии его матери. Получив в ответ «норм», выключила свет и забралась под одеяло. Светящийся экран телефона еще мелькал какое-то время в темноте, когда я залипала в соцсетях. Не помню, во сколько уснула. Знаю только, что

тот, кто сверху, этажом выше, не спал. Постоянно слышались посторонние звуки, но уже не клавиши фортепиано. Режим ночной тишины заступил на свой главный пост.

М-19

Июньские вечера были слишком душными. Все вокруг изнемогало от жары. И нет ничего лучше, чем в один из таких вечеров собраться с друзьями на берегу реки. Да еще с вкусняшками, гитарой, выпивкой и веселыми песнями.

В моем распоряжении был легкий коктейльчик. Чисто поддержать Яну, которая почему-то без меня боялась пить. Мы сидели на пледе в купальниках. Развалившись на пляже, принимали солнечные ванны. Глеб заливал в себя уже третий литр светлого нефильтрованного и пытался произвести впечатление на новенькую Лизу. Да, она зачем-то увязалась с нами. Присутствие Ларисы, девушки Дани, я еще как-то могла понять. Но Лиза? Наверное, ей не терпелось влиться в коллектив.

Здесь были не только сотрудники из нашего ресторанчика и моя подруга Яна. Еще Серёжа, Никита, как раз таки Лариса, Вика и Карина. Друзья из универа. Почти все лингвисты как на подбор. Только Никита – филолог. И это было хорошо заметно, когда он начинал умничать и расставлять ударения в наших словах. Или прерывать на полуслове, чтобы подсказать, как оно будет звучать правильно.

– Ник, ты всегда такой нудный? – в какой-то момент Глеб не выдержал.

– Погоди, он просто еще слишком трезвый. Посмотрим,

как он будет говорить через полчаса, – посмеялся Серёжа.

Все тут же начали прикапываться к Никите, предлагая ему выпить. Мы с Яной не выдержали буйного галдения и с разбега занырнули в реку. Мои мокрые волосы тут же прилипли к лицу, пришлось забрать их рукой назад. Отплыв на небольшое расстояние, я перевернулась на спину и расслабилась.

– Глеб сегодня в ударе, – подметила Яна.

Я еще раз посмотрела на берег, где Глеб сидел рядом с Лизой и что-то старательно объяснял ей. Ее два коричневых пучка на голове казались очень милыми, скромная грудь в слитном купальнике была чуть больше моей. В целом ее тело выглядело спортивным. Было видно, что она занимается собой.

– Плевать, – я мысленно махнула на Глеба рукой.

– Ну ты даешь!

– А что? Мне истерику закатывать?

– Бороться надо за свое счастье! – Яна из тех, кто очень любил раздавать советы.

За несчастье тоже борются? Ведь я несчастлива с Глебом. От наших отношений не так много осталось. И мне было бы очень жаль застать Лизу в следующий раз с Глебом в подсобке. Уж лучше пусть болтают на пляже. Пусть она узнает его получше, чтобы не жалеть потом о том, с кем связалась. У этих отношений из подсобки ресторанчика быстрого питания – нет будущего.

Я занырнула на дно, проплыла несколько метров под во-

дой и вынырнула. Как это всегда бывает, случайно столкнулась с Даней, который тоже теперь находился в воде. Я уткнулась в его спину. И пока вытирала лицо от воды, он успел повернуться ко мне передом. Окатил водой. Я снова ничего не видела. Даня изобразил шипение рации, потом зажал нос и проговорил гнусавым голосом:

– Прием, подводная лодка М-19, смените курс.

– Катер Д-27, чальте к берегу, пожалуйста, – я тоже зажала нос, чтобы поддержать игру.

Но Даня громко рассмеялся, не выдержал и плюхнулся спиной в воду. Сквозь смех попытался объяснить, что подводная лодка «М» вовсе не значит первую букву моего имени. И «19» – не возраст. В самом деле была такая советская подводная лодка, которая имела еще одно название – «Малютка».

Я смутилась. Мне стало стыдно от моей необразованности в данном вопросе и странно оттого, что Даня почти назвал меня малюткой. Я отделалась наигранным смешком и уплыла в другую сторону. Лишь бы больше не испытывать на себе взгляд Дани. Казалось, мои щеки раскраснелись, а глаза заблестели. Нужно было срочно спрятать и то и другое.

Немного остыв, я вернулась на берег. Дело шло к закату. Мальчишки занялись костром. Натаскали сухих веток, и Серёжа попытался поджечь их своей зажигалкой. Почему-то не выходило. То ли его руки настолько сильно дрожали, сбивая пламя зажигалки, то ли парни набрали не тех веток. Спу-

стя еще пять минут Серёже все же удалось одержать победу. Огонь схватился за ветви и заставил их трещать.

Все придвинулись поближе к костру. Не то чтобы стало холодно, просто пришло время жарить сосиски. Шампуров было не так много, поэтому обделенные смастерили их себе из подручных средств. Мне досталась обычная палка. Я зачистила и заострила ее конец, затем насадила сосиску и вытянула перед огнем. Стала покручивать в разные стороны, чтобы ее подрумянить.

– Хорошо сидим. Спасибо, что вытащили меня, а так бы погрязла в учебниках. Приходите все на мое день рождения, через выходные. Тоже затусим, – проговорила Вика, выставив ладони перед костром.

– Мой, – сказал Никита.

– Чего?

– Мой день рождения.

– Будешь умничать, Ник, возьму и не приглашу! Это надо же! Все, что от тебя требуют, это просто придти на день рождения! А ты... – возмутилась Вика.

– Не придти, а прийти, – продолжил тот.

Вика не на шутку разозлилась, взяла длинную палку, поднялась на ноги и обежала костер. Никита упрыгал от нее куда-то в темноту, Вика – за ним. После мы слышали лишь отдаленные крики. Вопившие голоса перемешивались одновременно со смехом, это говорило о том, что у ребят все под контролем. Не исключено, что к костру они вернутся уже па-

рочкой.

– Завтра на работу, – пропищала Лиза, как бы намекая, что пора расходиться.

– Еще часок – и домой. Я за таксиста, – кивнул Даня, единственный, кто не стал сегодня пить.

Серёжа взял в руки гитару и забренчал знакомую мелодию. Все, кто знали слова, тут же запели. Заголосили – где впопад, а где мимо. Хорошо пели Карина и Серёжа, остальные исполняли песню любительски. Глеб едва удерживался в сидячем положении, Даня и Лариса, обнявшись, ворковали друг с другом. Целовались и ласкались, устроившись рядом с ярким пламенем костра. Яна пристроилась к Лизе, чтобы получше узнать «моего врага». Подруга почему-то решила, что я обязательно должна злиться на новенькую и обратить внимание на Глеба. Но я сидела немного поодаль от своего парня, не желая восхищаться его пивным поступком. Это не тот случай, чтобы его хвалить. *О Боже, Глеб, как много ты выпил! Как здорово у тебя таращатся глаза!* Нет. И нет.

А вот и наша парочка: Никита и Вика вернулись в компанию, держась за руки. Они уселись рядом со мной и тоже стали обмениваться нежностями. Присоединились к песне. Серёжа был отличным музыкантом, особенно когда немного выпьет. Его скованность и стеснение в этот же миг улетучивались, и он начинал играть как бог. После дворовой песни взялся за какую-то балладу. Я уставилась на звезды. И прав-

да, хорошо отдохнули. Немного отвлеклись от учебы, работы и проблем.

Даня не соврал. Когда все решили разойтись по домам, он пригласил нас сесть в свой черненький «Фольксваген-Гольф». Естественно, все не уместилось. За руль уселся Даня, на переднее сиденье – его девушка Лариса, остальные – назад. Глеб, Серёжа, Никита и Яна устроились на сиденье. Вика присела на колени Никиты, Глеб сам притянул меня к себе и стал дышать перегаром. Карина и Лиза попытались ехать стоя в скрюченном состоянии, держась за передние сиденья. Но как только мы тронулись с места, девчонки тут же попадали. Началось месиво. Было не разобрать, кто сидит, а кто подлетает в автосалоне на каждом резком повороте. Слышались только дикий ржач и крики возмущения. Мне кто-то наступил на ногу, потом уселся сверху. Получился бутерброд. Я недовольно спихнула обнаглевшего. Это оказалась Вика. Чтоб ее! Моя нога продолжила болезненно ныть.

– Остановка! – прокричал Даня.

Первым из автосалона вывалился Серёжа. Взял гитару из багажника и помахал нам вслед. В машине осталось девять человек. И вроде бы должно было стать немного просторнее, но не помогло. Мы продолжили танцевать друг у друга на ногах. Сквозь музыку на магнитоле и наш смех слышались причмокивания. Вика и Никита перешли на но-

вый уровень отношений.

– Горько! Горько! – захлопал в ладоши Глеб.

– Эй, тише там! Менты стоят! Придется в объезд, – сказал Даня.

Мы угомонились. Даже притихли. Только ненадолго. Через минуту снова послышался шум, от которого у меня начала болеть голова. Следующей из машины вышла Лариса, и я быстро пересела вперед. На возражения друзей отвечала, что мне дольше всех ехать.

Через два светофора мы высадили Вику и Никиту. Друзья на заднем сиденье расслабленно вздохнули. Теперь они свободно могли расположиться сидя. Яна, Лиза и Карина были худышками, поэтому вместе с Глебом отлично помещались. Дальше уже почти никто не разговаривал, все ждали своей остановки, чтобы поскорее добраться до кровати и вырубиться до завтрашнего утра.

Когда пришло время выбираться из машины Глебу, он едва не упал, с трудом удержался на ногах. Я предложила помощь, уже хотела вылезти из машины и схватить его под руку. Но тут вызвалась помочь Лиза, которая, оказывается, жила в этом районе. Яна недовольно посмотрела на меня и кивнула. Я не проявила интереса. Тогда подруга выскочила из машины следом за Лизой и тоже вцепилась в руку Глеба. Последний раз кинула на меня свой важный взгляд. Вроде как я потом сама ей еще спасибо скажу. Ну-ну.

В «Фольксвагене» осталось трое: Даня, я и Карина. Кари-

на была довольно скромной. Она спокойно дождалась своего выхода. Тихо пролепетала «пока» и убежала в сторону многоэтажек. Вот теперь стало некомфортно. Я отвернулась к окну и старалась больше не поворачивать голову в сторону Дани. Он ехал слегка навеселе, подпевал магнитоле. Я тряслась и дрожала рядом с ним. Мы остались вдвоем в машине, наедине. Это не могло не волновать меня. Но к счастью, квартира бабушки тоже была близко. Я отсчитывала каждый метр дороги, вспоминала, сколько светофоров до дома осталось.

– Куда собираешься после универа? – вдруг спросил Даня.

Это заставило меня сесть ровно. Невежливо отвечать в окно. Мне пришлось посмотреть на Даню и его сильные руки, управлявшие автомобилем.

– Попробую найти работу по профессии. Ведь не всю жизнь мне готовить булки. Может быть, стану репетитором или переводчиком...

– Приехали, – перебил меня Даня.

Я запнулась, не понимая, как продолжить разговор. Мне нужно было закончить свой ответ или сразу поблагодарить Даню за то, что подвез, и свалить? Я отыскивала в темноте свою сумку, схватилась за ручку дверцы, но не успела выбраться из машины, потому как почувствовала его руку на своем колене. Метнула быстрый взгляд на Даню.

– Ты чего? – встрепенулась я.

– Не притворяйся, будто не знаешь. Я же вижу, как ты

на меня смотришь. Иди ко мне.

Даня взял мое лицо в свои руки и начал целовать. Я растерялась. Сидела беспомощно, поддавшись его губам. Тряслась и одновременно наслаждалась. Он целовал мягко и приятно. Чувствовался его страстный напор, руки бессовестно бродили по моему телу, заходя все дальше. Мое тело поддавалось ласкам, но ладони пытались оттолкнуть Даню, пихаясь в каменный торс недостаточно сильно. Даня был неумолим, терзал меня языком, заставлял постанывать, сжимая рукой мою грудь. Я задыхалась в этом порыве. И у меня была всего секунда, чтобы прийти в себя, когда Даня прервал поцелуй. Он скользнул языком по моей шее вниз. Ему не терпелось продолжить.

– А как же Лариса? – стоном вырвалось из моих губ.

– Не беспокойся, малютка, она ни о чем не узнает, – стягивал с моего плеча бретельку майки Даня.

– Что?!

Я резко оттолкнула Даню от себя, открыла дверцу и схватилась снова за сумку. Тем самым показывая, что вот-вот выпрыгну из машины. Поставила одну ногу на землю, чтобы быть наготове. Даня понял, что совершил ошибку, ляпнув не то. Вернулся на свое сиденье и вцепился руками в руль.

– Как это не узнает?! Дань, это же нечестно! Я думала, ты хочешь быть со мной... А ты хотел только...

– Маш, ты серьезно? Мы с Ларисой встречаемся уже пять лет. И меня все устраивает. Не стану я расставаться с Ларой

из-за тебя.

– Вот и катись к ней! Доброй ночи! – я хлопнула дверцей напоследок.

Как только Даня дал по газам, я громко расплакалась. Во весь голос. Он почти получил то, что хотел. Какая же я дура! Размечталась! Решила, что он бросит Ларису ради меня. Теперь шла домой, немного пошатываясь, но не сбиваясь с курса.

И все эти заигрывания на пляже... М-19. Малютка... Вот для чего это! Как он все отлично спланировал! Чертяга! А самое обидное, что Даня мне действительно нравился. Я думала, он хороший. Не такой, как Глеб. Но от человечности ничего не осталось. Даня поступил подло по отношению к своей девушке. Я поступила отвратительно по отношению к Глебу. Не смогла отказаться от желаемого сразу, надеялась до последнего.

Телефон трезвонил беспокойством бабушки. Но еще больше она расшумелась, когда я пришла домой. Кричала мне о том, что волновалась, врала моим родителям, которые тоже звонили. Прикрывала меня неправдой, что я в комнате и давно сплю. Бабушка видела меня подавленной и слегка пьяной. Опьяненной чувствами и ощущениями. Мне было плохо. Все, что произошло, заставляло рыдать. Я закрылась в ванной комнате, там и просидела, всхлипывая под звуки шумящей воды. Долго сидела. Пока бабушка не успокоилась и не ушла спать.

Следующие два дня я ходила на работу как на каторгу. Здоровалась с Глебом, принимала от него те же поцелуи. Но было еще противнее. Даня появлялся редко, наконец сосредоточился на доставке. К Лизе приставили нового учителя. В обед я закрывалась в служебном туалете и давилась слезами. Вспоминала губы Дани. Понимала, как мне понравилось. Но ничего не могла сделать. Было нельзя. Он не любил меня, это все было только ради развлечения. Мной воспользовались. А я поддалась, оказалась той самой ножной тряпкой, за которую меня и приняли.

«Я тебя слушаю»

Кое-как время добралось до выходных. В моей жизни мало что поменялось. Я снова питалась йогуртами из пластиковых бутылок и снова утыкалась лицом в подушку, чтобы заглушить свой плач.

Глеб вел себя как обычно. Яна, провожавшая его в день тусовки, что-то наплела Лизе. Теперь новенькая держалась от моего парня подальше. Вика и Никита вроде как начали встречаться, я их часто видела по вечерам, гулявшими по парку за ручку. С остальными друзьями толком не пересекалась в эти дни. Разве что Даня перебрасывался со мной мимолетными взглядами, когда забегал в кафешку на несколько минут. Больше не шутил и не улыбался. Между нами повисло напряжение, которое никто не мог понять, кроме нас. Коллеги решили, что мы поцапались из-за новенькой, вернее премии, которая полагалась работнику за обучение новых сотрудников.

Я дождалась воскресенья. Сегодня должна состояться поездка в лес с моими родителями. Мне думалось, это отличный шанс наладить отношения. Кто знает, может, после этого мне захочется вернуться домой? Это единственное, что волновало меня в данный момент.

Сидя на стуле в кухне, я постоянно крутила головой. Часы будто остановились, медленно двигали свои стрелки вперед.

Я истерзала все руки, почесывая их от волнения. Проверяла телефон, не пропустила ли звонок от мамы. Чуть позже телефон действительно зазвонил. Но это был не тот, кто мне нужен.

– Да?

– Маш, помнишь, ты говорила про деньги для моей мамы? Они у тебя? – бесцеремонный Глеб был тут как тут.

– Еще нет, но сегодня вечером будут. Завтра принесу.

– Че так долго? Тебе жалко, что ли?

– Глеб...

Он скинул вызов. А я не собиралась перезванивать. Достало. Ведет себя как истеричка. И я была почти уверена, что он спустит мои деньги на байк. Точно не на лекарство.

Во дворе послышался сигнал машины. Я подскочила на ноги и подбежала к окну. Это были мои родители. Папа махнул мне рукой в знак приветствия. Я заметила, как мои губы сразу же растянулись в улыбке. Взяла свой походный рюкзачок, закинула его на плечо и понеслась к выходу. Бабушка успела только кинуть фразу мне вслед:

– Хорошо вам отдохнуть!

– Спасибо!

Я воодушевленно забралась на заднее сиденье папиного «Ларгуса», расположилась по центру. Во мне было столько энергии, она просто била из меня ключом. Я весело смотрела на родителей. Они вроде бы сидели спереди рядом, но как будто между ними образовалась ледяная стена. Но это было

только начало. Все могло измениться. Так ведь?

Машина ехала в сторону лесополосы, в салоне играла музыка. Родители молчали. Я хотела разрядить обстановку, но не могла подобрать слова.

– Как погостила у бабушки? – нарушил тишину папа.

– Замечательно. Еда по расписанию и только за столом, как в детстве, телевизор по вечерам. Еще слушали с бабушкой Баха и Бетховена.

– Ясно. То-то я думаю, чего ты такая худая...

– Перестань, мама хорошо кормит ее! – огрызнулась мама.

Я сглотнула ком в горле. Из-за меня папа получил по шапке. Не думала, что этот разговор выльется в нечто подобное. Замолчала, чтобы не брякнуть лишнего. Оказывается, бабушка – это теперь запретная тема. Мне бы список, состоящий из фраз, которые приводят к ссорам. Уж я б тогда стала самой тактичной. Лишь бы родители не ругались.

Дорога свернула в лес. Я помнила это место. Мы уже собирали здесь грибы лет пять назад. Кругом елки, и только. Но если зайти поглубже, то можно увидеть мягкий переход из елового леса в лиственный. В этот раз мы приехали залисичками. Вкусные грибы, особенно если жарить их на сковороде. Я натянула кепку на голову, родители нарядились в рюкзаки. Каждый взял по лукошку, и мы двинулись вперед.

Солнце припекало сверху, но под деревьями было не так жарко. Чувствовался еловый запах и запах влаги, как после дождя. Лес пестрел тропинками, несъедобными грибами, ча-

ще поганками, и различными травами, на любой вкус, цвет и запах. На полянке обнаружилась дикая земляника. Я аккуратно переступала через нее, стараясь не задеть ягоды. То и дело оглядывалась на родителей. И чувствовала, что они соврали. Поездка не была похожа на ту, которая называлась «как раньше». Мама шла далеко от папы, они совсем не разговаривали. Делали вид, будто увлечены поиском грибов.

«Как раньше» подразумевало веселый смех, шуточное пихание друг друга в бока, обнимашки. И одно лукошко на троих. Выезд в лес никогда не был целью собрать как можно больше грибов. Это только предлог – провести время вместе. А сейчас? А сейчас папа сосредоточился на лисичках. Такими темпами его корзина наполнится через полчаса. Мама не хотела ему уступать, буквально вырывала грибы из-под рук отца. Это было больше похоже на соревнование нездоровых соперников, которые пытались друг друга унижить. Я в состязании не участвовала. Шла слегка впереди и намеренно пропускала попадавшиеся мне на глаза грибы. *Пусть собирают, может, это успокоит их азарт.*

– Маш, что у тебя со зрением? Ты уже пятый гриб проходишь мимо, – заметил папа.

– А кто ее заставлял учиться допоздна? Ты вспомни, как она сидела за учебниками под тусклой лампой, – начала мама. – Разве не тебя я просила поменять лампочку в светильнике почти два года?

– Если бы тебе было важно зрение ребенка, сама бы по-

меняла.

Снова началась перепалка. На ровном месте. Ни с того ни с сего. Как им это удастся? Находить силы и время на конфликты. Я остановилась и бросила лукошко в траву. Вспомнила слова мамы: «А ты, вместо того чтобы убежать, могла бы помочь». Им нужна была моя помощь. Но что я могла сделать? Я повернулась лицом к родителям и пошла к ним навстречу. Кое-как заставила их придвинуться друг к другу и заключила в объятия. Прижалась к ним так крепко, как обнимала их маленькой. На глаза навернулись слезы. Я расстрогалась от собственных чувств.

– Я вас очень люблю.

– Машенька! И мы тебя очень любим, – сказала мама.

– Давайте сделаем привал? – предложил папа.

Мы с мамой согласились. В ту же минуту отец вытащил из рюкзака походный плед и расстелил его на траве. Мама разлила по стаканам чай из термоса, достала контейнер со своим мясным пирогом. Я села на краешек пледа и взяла в руки угощение. Меня тошнило только от одного вида пирога, но я была готова съесть его полностью. Лишь бы порадовать маму, она старалась. Папа запихал весь кусок себе в рот. Что-что, а мамины пироги он очень любил. Чай оказался вкусным, но горячим. Пришлось подождать, чтобы не обжечься. Тогда родители спросили про отдых на речке. Я поперхнулась. Конечно, они об этом знали. Бабушка рассказала им, только не уточнила, в котором часу я вернулась

домой.

Несмотря на неприятные воспоминания, связанные с отдыхом на реке, я улыбнулась и постаралась рассказать все самое удачное. Как Вика делала ошибки в словах, а Никита ее поправлял. Как это привело их к отношениям. Рассказывала про песни под гитару и поджаренные сосиски на палках. Про веселое возвращение домой, когда в машину поместилось слишком много друзей. На лицах мамы и папы появились улыбки, которые тут же сползли, не просуществовав и секунды. Я внимательно уставилась на маму. Она будто хотела что-то сказать, но спотыкалась языком о зубы. Это так странно. Они многозначно переглянулись с отцом.

– Маш, на самом деле мы не просто так приехали в лес.

– Конечно, не просто, за грибами, – моя самозащита заставила меня включить дурочку. Я боялась услышать что-то не то, оттягивала момент.

– Да. И за грибами тоже. Мы с папой хотели тебе кое-что сказать...

– Маша, ты уже взрослая и должна понимать... – папа тоже запинаясь.

– В общем, мы хотим развестись. Так будет лучше для всех нас, – подытожила мама.

Ее слова прозвучали звоном в моих ушах. Мне казалось, что это происходило не со мной и я смотрела фильм, наблюдала за этими кадрами со стороны. А потом медленно опустила голову и посмотрела на муравья, отважившегося пройтись по мне.

тись по пледу. Внутри меня одолевала злость. Я задела ногой кружку с горячим чаем. Он пролился на плед и попал на муравья. Не знаю, зачем так пристально смотрела на него. Но мне жаль...

– Об этом вы договорились, да?! *Это* вы мне хотели сказать? – моя истерика была уже не за горами. Я с трудом контролировала себя. – А чего эсэмэской не прислали? Зачем тащить в лес и притворяться, что будет «как раньше»? Вы все испортили! И кому будет лучше от этого развода? Кому?

– Нам всем. Представь, ты больше не услышишь ни одной ссоры. Сможешь проводить время со мной и с папой.

– Вместе?

– Нет, по отдельности, но это даже хорошо. Больше внимания...

– Да плевать я хотела на ваше внимание! Видеть вас не хочу! Отвезите меня к бабушке!

Я тут же развернулась и яростно зашагала к машине. На любые возражения из-за спины я не отвечала. Хотелось игнорировать все вокруг: лес, грибы, сбитые моими ногами, встречные ветки, хлеставшие по лицу и оставлявшие паутину на глазах. Я бежала от родителей, от их последнего решения, которое казалось неправильным. Я просто не могла поверить. Будто весь мир настроился против меня.

Те куски, которые я успела откусить от пирога, больно толкались в животе. Чуть не вырвало, когда добралась до машины. Поняла, что придется подождать, пока родители со-

берут все вещи, пока дойдут, пока снова поругаются и решат, что со мной делать. Терпеть нечто подобное я никак не могла. Стала ловить попутку. Выбралась на дорогу и подняла палец вверх. Вдруг повезет?!

Спустя несколько минут мне навстречу ехал грузовик. Я смотрела в лобовое стекло и надеялась, что он не проедет мимо. Пощадит и заберет меня отсюда. Так и случилось. Водитель увидел машину отца, подумав, что та сломалась, остановился.

– Что случилось?

– Мне срочно нужно домой.

– Как же машина?

– Это друзей. Они остаются, – пришлось соврать. Вряд ли бы водитель согласился увезти дочь от ее же родителей.

– Ну садись.

– Спасибо!

Я постаралась успокоиться. Сидела тихо, как мышка. Водителю ничего не нужно было знать. Никаких лишних вопросов. Родителям написала сообщение, что доберусь до бабушки сама. Пусть и дальше свои грибы собирают. Без меня. Поставила телефон на беззвучный, чтобы не трезвонил.

Дальше все было словно в тумане. Как-то доехали до въезда в город, немного потолкались в пробке на мосту, миновали несколько перекрестков. Пришлось ехать другой дорогой, для грузовиков. На нужной улице я выбралась из машины, так и не сумев договориться об оплате с водителем. Быстрым

шагом дошла до дома. Лифт почему-то не работал. Немного запыхалась, поднимаясь на пятый этаж. Взглянула на часы – половина шестого. Я пропустила ужин. Это хорошо, потому что он все равно не влез бы.

– Как съездили? – поинтересовалась бабушка, едва я появилась в коридоре.

– Зашибительно! Они разводятся!

– А где машина? Они уже уехали? – бабушка выглянула в окно.

– Нет, я сама добралась. Без них. Пусть что хотят, то и делают! Я больше не могу! – я разозлилась до предела. Сама не узнавала свой голос. Настолько он был наполнен яростью.

– Что ты такое говоришь? Мама будет переживать за тебя. Надо ей позвонить...

– Переживать? А я не переживаю? Почему ты так спокойно относишься к их разводу, бабушка?! Не звони им, не надо! Хватит!

Но бабушка уже шла к телефону. Я сжала руками свои волосы, чтобы не закричать. Металась по квартире, снова хотела сбежать. Но некуда. Рванула на балкон и закрылась снаружи, чтобы бабушка не смогла зайти. Уже здесь я смогла прорычать. От гнева, от усталости, от отчаяния. Рыдала. Кричала так громко, как только могла. Вложила столько сил, чтобы сорвать себе голос. Это все равно не так больно, как больно думать о родителях.

– Сколько можно?! Пожалуйста! Хоть кто-нибудь ко-

гда-нибудь будет меня слушать?! – в голос заорала я и стала биться головой об перила балкона. Потом заплакала тихими слезами, чтобы немного отдохнуть. Я обессилила. Хотелось упасть замертво прямо здесь. И больше никогда не очнуться.

– ... я тебя слушаю.

Мужской голос. Откуда-то сверху. И почему мне раньше не пришло в голову, что на других таких же балконах могут быть соседи?! О чем я думала, когда выбежала сюда порвать?!

– По-моему, важно, чтобы тебя не просто слушали, но еще и слышали, – продолжил голос.

Время остановилось. Я вдавилась в стену дома, затем тихо стекла по ней вниз. Вытирала слезы с лица. Но их было слишком много, поэтому я просто размазывала влагу по щекам. Убрала волосы за уши. Хотелось услышать шаги сверху, которые означали бы уход незнакомого соседа с балкона. Но этого не произошло. Я стала себя жалеть, что для меня не нашлось места, где можно остаться одной. Пристыдила себя за истеричные слезы перед посторонним.

– Как тебе вечер? – снова послышался этот голос.

Я в недоумении уставилась наверх. Конечно же, увидела только нижнюю часть бетонной плиты балкона. Как это и должно быть – пол не просвечивался. Я не могла знать, с кем разговариваю. Могла только предположить, что он старше меня либо мы ровесники. Иначе стал бы он обращаться ко мне на «ты»?

– Вечер как вечер, ничего особенного. Небо, палящее солнце и горячий ветер. Если ты именно про мой вечер, то он ужасен.

– Почему?

– Неважно, – огрызнулась я.

– Уверен, все не так плохо, как кажется.

Последняя фраза заставила меня снова разозлиться. Да как он посмел давать оценку происходящему в моей жизни?! Откуда мог знать, насколько мне плохо или хорошо?! Что он там о себе возомнил?!

– Да что ты знаешь вообще! Ненавижу своего парня, но мне приходится его терпеть и трахаться с ним в темной подсобке. Из-за нервов совсем перестала есть, но все считают, что я на диете. Говорят: бросай эту чушь. Парень, который мне нравился, оказался тем еще подонком. Он использовал меня и теперь врет своей девушке. Мои родители, прожившие вместе двадцать лет, решили развестись, отыграв передо мной несколько шумных скандалов! Я – ничто, я – никто. Просто ничтожество, которое зачем-то застряло в этой жизни и в этом теле.

Я не знаю, сколько еще за сегодняшний вечер должна была пролить слез. Они сами бежали из глаз. Я больше не контролировала их, не отвечала за сказанные слова, не думала о последствиях и о том, что подумает обо мне парень сверху. Взяла и взорвалась. Вылила всю грязь на незнакомца, которому наверняка было все равно. Он молчал. Я бы тоже за-

молчала, если бы кто-то так стыдно вывалил на меня свой груз.

– Как тебя зовут?

– Маша.

– Маша, мне думается, что ты сильная девушка, только слишком много требуешь от себя. Отпусти все, скажи всем правду. Тебе станет легче.

– Я боюсь...

– Боишься, что твой парень бросит тебя? Но разве это не лучше, чем терпеть его? Зачем тебе это?

– Жаль его.

– Жалость съедает, жрет изнутри. Не дает человеку раскрыться. Прекрати его жалеть. Люди иногда расходятся, это нормально. От того, что он тебя потеряет, мир не перевернется. Возможно, перевернется его жизнь. И твоя тоже.

Я сидела в каком-то тихом ужасе от его слов. Он слышал, что я говорю? Правда вдумывался в мой бред, который я несла? Это шокировало. Впервые за долгое время мне отвечали на мои слова. Не переводили тему, не смеялись над моими чувствами, не ругали за эмоции. И я не пыталась оправдаться. Сосед сверху позволил мне остаться собой. Не заткнул мне рот, потому что я неправа, а позволил говорить то, что думаю. Я даже перестала плакать, перестала дышать. Мне стало так легко и так странно ощущать себя кем-то слышимой.

– Спасибо, парень, – искренне произнесла я.

– Антон, – я услышала, как он проговорил свое имя в улыбке.

– Приятно познакомиться, Антон. Прости за этот цирк. Я немного не в себе.

– Как раз наоборот. Добро пожаловать в себя! Когда эмоции выходят наружу, это говорит о том, что ты давно не приходила в себя, скрывалась под маской.

– Может, ты и прав. Мир вокруг такой, никто не станет терпеть меня настоящую.

– Стоило бы попытаться...

Стук. Бабушка в комнате дернула за ручку двери. Я поднялась с пола и кивнула ей. *Все нормально, я сейчас вернусь.* Подошла к краю и облокотилась на перила балкона, заглянула чуть вверх. Бесполезно. Антона не было видно отсюда. Он, скорее всего, находился слишком близко к двери.

– Хорошего вечера, Антон. Еще раз спасибо. Мне пора.

– Пока.

Я открыла дверь и вошла в комнату. Бабушка хотела меня напоить чаем, но я прошла мимо. Мне было спокойно и хорошо. Никак не могла понять, откуда взялась эта легкость. Почему все встало на свои места? Как до меня не дошло раньше, что встречаться с Глебом глупо? Почему я это делала до сих пор? В чем смысл?

Плюхнувшись в узкую кровать, я обняла одеяло. Стала вспоминать, что говорил Антон. Теперь почему-то хотелось его увидеть. Собрать голос и его обладателя в единую кар-

тинку. Поговорить с ним снова. Потом усмехнулась. Мне просто повезло оказаться с ним в одно и то же время на балконе. Не факт, что мы пересечемся еще раз. Это случайность. Антон не знал меня, а я не знала его. И это делало его еще привлекательнее.

Антон – незнакомец, который услышал меня в тот момент, когда даже самые близкие люди отвернулись и закрыли свои уши, уходя от правды.

Не каждое фортепиано – пианино

Вдохновившись вчерашним разговором с незнакомцем, я приехала на работу в слегка приподнятом настроении. Во-первых, не спала полночи и пыталась переварить его слова. Во-вторых, проснулась значительно раньше и под будильник, обычно без которого обхожусь. В-третьих, уже с утра успела помотаться по делам. Зато знала, что все не зря.

Едва войдя на кухню рестораника, заметила, что на моем лице красуется странная улыбка. Вроде бы ничего такого не произошло, но внутри было приятно. Даже несмотря на надоедливые замороженные котлеты и обляпанный фар-тук, все равно было хорошо. Будто по-другому. Люди те же вокруг, и работа не изменилась. Что-то случилось со мной.

Я не услышала, как сзади подошел Глеб. На удивление сегодня он был особенно внимательным. Обнял сзади, тепло прижался и поцеловал в макушку. Моя уверенность начала потихоньку испаряться. Про себя повторяла: «Никакой жалости, только не жалость. Жалость съедает».

– Маш? Ты принесла? – намекнул Глеб. Теперь было ясно, почему он так приятно терся об меня, словно кот, который просит еды.

Я развернулась, сняла кепку и серьезно посмотрела на Глеба. *Если рвать, так насовсем, чтобы нельзя было вернуться.*

– Ты про деньги? Да, я созвонилась с твоей мамой утром и принесла деньги в аптеку, чтобы купить лекарство. Вот оно. И чек.

– Хм... спасибо. Я мог и сам. Не доверяешь, что ли? Обиделась?

– Глеб, прости меня. Я поступила нечестно. В тот день, когда Даня подвозил нас после речки до дома, он поцеловал меня. К сожалению, мне понравилось. Но между нами ничего не было. Хочу, чтобы ты это знал, – мне было сложно говорить правду, но я решилась.

– Не понял. Ему дать в жбан?

– Не в этом дело. Я просто не хочу больше врать. Я... не люблю тебя.

Я рванула с места, оставив Глеба наедине с правдой. Спряталась в раздевалке, чтобы собраться с мыслями. Что будет дальше? Правильно ли меня понял Глеб? Надеюсь, он «не даст в жбан» Дане. Этого мне хотелось меньше всего. А если правда раскроется не только для Глеба, но и для Ларисы? Получится, что я разрушила чужие отношения. Ведь это для меня тот поцелуй в машине значил многое, для Дани – минутное помутнение, о котором он теперь жалеет. Но мне стало свободнее дышать, я избавилась от груза мыслей, тянувших меня около года вниз. Больше не будет стыдно и больно, мне не потребуется жалость. Антон был прав, лучше остаться и вовсе одной, чем мучиться в отношениях рядом с тем, кого не любишь.

Была бы моя воля, я еще долго просидела бы в раздевалке. Но нужно работать. Я взяла себя в руки и выбралась из укромного места. Вышла на поле битвы, где Глеба уже не было. В кухне вовсю орудовала Лиза. У нее почти получилось нарезать огурцы для бургера. Но куски все равно казались толстенными.

– Разве Даня тебе не говорил, что мы экономим продукты? Режь тоньше, – посоветовала я.

– Пытаюсь. Это не так легко, как кажется, – виновато улыбнулась девушка с двумя пучками на голове. – Маш, скажи, как тебе удастся держаться так спокойно?

– Тебе тоже это удастся. Ты работаешь здесь меньше недели, научишься со временем.

– Я не о работе. О Глебе. Я все знаю. Яна сказала, что он ВИЧ-инфицированный.

Я чуть не прокусила язык, чтобы успеть остановиться и не накинуться на Лизу. Вот это поворот! Я надвинула кепку на глаза и зашагала в сторону мойки. По пути достала телефон и набрала злобное сообщение подруге.

«Зачем ты наплела Лизе, что Глеб – ВИЧ-инфицированный? Ты в своем уме, а?»

Тут же входящий звонок. Я вдохнула поглубже, чтобы не нагрубить, и ответила.

– Маша, она всю дорогу с ним флиртowała. Он рад ста-

раться: расстилался перед ней в комплиментах. Когда мы его проводили, мне пришло в голову, как свести ее интерес к Глебу на нет. Не ругайся, это во благо ваших отношений, – распиналась Яна.

– Бывших отношений, – поправила я.

– Да ладно? Вот дурак! Подожди, он еще не понял, кого потерял.

– Ян, я с ним рассталась. Мне некогда, нужно работать.

Я сбросила вызов. Только бы не слышать нравоучений от подруги. Яна считала, что Глеб – мой единственный вариант. Достался мне, как хлеб насущный. По ее словам, я должна была беречь Глеба. Хранить, как дорогую статуэтку, на самой видной полке, чтобы показывать гостям. Периодически брать с собой в общественные места, лишь бы не запылится. Холить и лелеять.

– Значит, все-таки расстались? – очередной голос в спину.

Черт. Мне пришлось признать, что я совершила ошибку, отвечая на звонок Яны в общедоступном месте. Я бы сказала, это судьба – сталкиваться с Даней в самые подходящие и неподходящие моменты. Он как раз возвращался с доставки. Любопытно, кто мог так рано заказать пиццу?!

– Не из-за тебя. На твоем месте я бы понеслась со всех ног к Глебу, чтобы он не растрепал Ларисе о нашем инциденте.

– Стоп, ты и это рассказала?

– Пришлось, – я лишь пожала плечами.

– Блин!

Даня больно толкнул меня с дороги, умчался в сторону кассы. Теперь я глубоко сомневалась, правильно ли поступила на самом деле. Но будь я на месте Ларисы, я хотела бы знать правду. Пусть даже такую унижительную. Лариса была лучше меня. Она потрясающе готовила, мило улыбалась, носила всякие прибамбушки и платья, здорово рассказывала истории. Она не заслужила такого отношения к себе. Знаю, самое последнее дело – сравнивать себя с кем-то другим. Но иначе не получалось, я не умела грамотно оценивать себя и свои достоинства.

Однажды, в самом начале, Глеб говорил, что я красивая. Может быть, его привлекли тогда мои покрашенные темно-бордовой помадой губы. Или белые волосы, которые до сих пор мало отросли, всего лишь до плеч. О, точно! Я не выглядела кощеем, как была похожа на него сейчас.

Странно, но никакой потасовки между Глебом и Даней не произошло. Никакой драки или криков. С одной стороны, я радовалась этому. С другой – удивлялась: неужели Глебу настолько все равно, и он не станет защищать мою честь? Хотя от моей чести не так много осталось. Об этом нужно было думать раньше, до того, как я решила насадиться на Глеба сверху.

К обеду солнце на улице распоясалось, и посетителей стало намного больше. Все резко захотели мягкого мороженого в рожках. Стоя на кассе, я только и успевала принимать

заказы, затем доставать заготовленные заранее рожки и наливать в них жидкое мороженое из аппарата. Даня снова бегал и ездил на доставке, Лиза металась на кухне с другими сотрудниками. Глеб иногда попадался мне в зале за очисткой грязных столов. Мы не разговаривали. Зато Яна, кажется, должна была стереть пальцы об экран – столько сообщений мне отправила. Они висели непрочитанными.

До конца смены оставалось два часа. В это время к сообщениям Яны прибавился звонок отца. Здесь я уже не могла игнорировать. Он и так редко звонил мне. А если звонил, то по очень важному вопросу. Пришлось ответить.

– Маш, удели мне минуту.

– Да, пап. Что такое?

– Поездка вчера вышла не такой, как мы ее планировали.

Мне хочется с тобой увидеться, все обсудить.

– Я не хочу.

Это то, что меня пугало сейчас больше всего. Еще одного разговора с родителями я не вынесу. Что обычно происходит во время развода? Каждый родитель пытается перетянуть ребенка на свою сторону, настроить его против бывшей супруги или бывшего супруга. Но я не была готова выбирать. Скорее всего, никогда не буду к этому готова. Я любила их как единое целое. Можно ли научиться любить их по отдельности, когда все воспоминания, все слова, все действия связаны и неделимы?

Наши совместные поездки и походы, прогулки и путеше-

ствия. Даже болезни, когда друг друга заражали, мы все равно проходили этот путь вместе. Дружно, держась за руки. Как отменить все семейные застолья и вечера? Можно ли стать взрослой, выломав фундамент, который дала семья? Считать ли теперь примером отношения родителей? И на какой основе строить свою жизнь, если знать, что навязанные принципы не всегда верны? Я боялась объяснить себе эти моменты и размышлять над целым вагоном неразобранных вопросов в голове.

К тому моменту, когда я оказалась дома, бабушка добралась до середины сериала. Я не стала ей мешать, только отыскала коробочку с кефиром и налила себе в стакан. Села в кухонное кресло и закрыла глаза. Вспомнила об экзамене и завтрашней консультации перед ним. Как ни крути, а Яну завтра нужно будет везти в универ, придется выслушать от нее много лишних слов.

Девять вечера. Клавиши фортепиано зазвучали наверху. Как всегда, вовремя, без опозданий. Сосед-музыкант сначала разыгрался, затем выбрал современную композицию и стал ее исполнять. Было любопытно: как он каждый день выбирает репертуар? Все зависит от настроения? Если так, то оно у него – романтично-грустное. Музыка была красивой, мерцала образами и взывала к чувствам. Казалось, что ноты вот-вот заплачут и тот, кто играл на инструменте, вместе с ними. Мелодия снова и снова тыкала меня носом в сего-

дняшные ошибки и маленькие победы. Хотелось поделиться этими воспоминаниями и узнать, правильно ли я поступила. Но фортепиано не замолкало почти целый час. Я уютно устроилась в кресле и уже почти дремала к концу игры.

Когда музыкальный инструмент замолчал, я перебралась на балкон, тихонько закрыла за собой дверь. На город опустилась вечерняя прохлада, стемнело. Я обругала себя за то, что стою здесь и надеюсь на удачу. Топчусь на балконе пятого этажа, мечтая, что кое-кто на шестом тоже не ушел спать.

– Я тебя слышу. Шуршишь, как мышка, – сказал тот самый, кого я ждала.

– Ведь это ты играешь на фортепиано? Я угадала? И в твоём доме не живет престарелый дед, который садится за инструмент каждый день в девять вечера? – я искренне обрадовалась.

– Фортепиано – это класс схожих по конструкции и принципам звучания клавишных. Поэтому инструмента фортепиано как такового не существует. Я играю на пианино.

– Не придирайся к словам! Ведешь себя как мой друг-филолог!

– Сегодня ты в хорошем настроении и способна перечить мне, – заметил Антон.

– Да. Я рассталась с парнем, представляешь? Стало намного легче. Чувствую себя другой.

– Рад этому. Что он сказал? Как отнесся к этому?

Я хотела было открыть рот, чтобы продолжить, но не смог-

ла. Я не знала, как Глеб отнесся к нашему расставанию. Ведь он так ничего и не сказал на этот счет. Промолчал на мое «не люблю».

– Ты не знаешь, но пытаешься додумать за него.

Я поджала губы. Разговор повернулся не в ту сторону, в которую я рассчитывала его свести. Повиснув корпусом на перилах, посмотрела куда-то в небо. Далеко-далеко, не зная, что сказать дальше. Почувствовала себя немного мерзко. Если так представить: я хотела похвалиться соседу, что кинула своего парня, толком не спросив его о чувствах.

– Тебе нравится этот вечер? – он сменил тему.

– Луна такая большая и желтая, немного пугает. В остальном город светится, переливается огоньками. Заменяет звезды, которых не видно в небе. От этого свечения их трудно заметить. Просто темное полотно, – я была рада стараться уйти от сложного разговора. – А тебе? Что нравится тебе? И вообще, где ты учишься, работаешь? Было бы здорово узнать о тебе побольше.

– Люблю слушать пение сверчков. Они так громко стрекочут ночью. Удивительно, что они используют для этого свои крылья. Еще внимание притягивает запах готовящегося мяса на костре из близлежащих ресторанов. Напоминает мне то время, когда я с друзьями выбирался на пикники, – сказал Антон. Он сделал паузу. Наверное, чтобы забраться в воспоминания и почувствовать, каково было в то самое время. – После школы я переехал в Воронеж, получил здесь обра-

зование в институте искусств, на музыкальном факультете, и в него же устроился на работу преподавателем. Еще занимаюсь репетиторством.

– Тебе двадцать два года?

– Двадцать три.

– А сколько мне дашь по голосу? – не унималась я.

– Девятнадцать.

– Как?

– Я знаком с твоей бабушкой. Нина Степановна – прекрасная женщина, очень любит тебя и постоянно беспокоится о твоей машине, которую пора бы сменить...

– И ты туда же?! Я обожаю свою окушку и терпеть не могу, когда кто-то говорит о ней таким тоном!

– Маш, я еще не видел твою машину, не злись.

Он сказал это мягко, не извиняясь, но я сразу же простила его. В разговоре с Антоном слова сами тянулись друг за другом. Мне не приходилось подбирать их и следить за своим языком. Все было слишком просто и непринужденно. Я многого не знала об Антоне и столько хотела спросить.

Он рассказывал обо всем, что только попрошу. Говорил о своем старшем брате, который приезжал раз в неделю к нему в гости с контейнерами от мамы. Женщина боялась, что Антон редко готовит, поэтому заботилась, чтобы сын питался домашней едой хотя бы из контейнеров. Потом он все-таки признался, что в детстве не любил пианино. Страсть к музыке пришла к нему намного позже, когда Антон почти

окончил музыкальную школу. Делился со мной впечатлениями, как он все лето перед универом играл только то, что хотел. Мог заниматься на клавишах целыми днями напролет.

Мы разошлись в увлечениях. Антон любил читать классику и современную литературу. Ему нравилось заниматься на турнике, гулять по парку, ходить на органные концерты и слушать живую музыку. Я же не прочитала ни одной книги, кроме тех, что требовались по учебе. Залипала на сериалах и мечтала обзавестись личными роликами. Обожала рок-концерты и огромную толпу, которая бойко слэмила в залах под визг электронной гитары и бой барабанной установки.

– Нужно сходить на рок-концерт. Тебе понравится, правда! – утверждала я.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Антон.

– Не могу того же сказать об органном, но обещаю попробовать. Ты только скажи, где и когда это будет, я пойду.

Я услышала, как он засмеялся. Да, это было смешно. Я стремилась почувствовать, чем он живет и чем дышит. Что заставляло его быть таким легким на подъем парнем, который смог переехать сюда для учебы и работы. Что делало его тем самым Антоном, оказавшимся на моем пути в трудную минуту?

Находясь почти рядом с ним, хотя бы с разницей в один этаж, я забывала про все ужасное, что со мной случилось за последнее время. Антон невзначай вселял в меня уверен-

ность в завтрашнем дне. Что темные тучи повисли надо мной не навсегда и что вот-вот небо покажет свои долгожданные звезды. Я почему-то верила ему. А как же? Невозможно возразить, когда парень говорит, что у тебя приятный голос.

– Встретимся завтра здесь же, на балконе? – воодушевленно предложила я, понимая, что время близится к часу ночи.

– Обязательно, – тепло проговорил он. – Спокойной ночи, Мышка!

– Спокойной ночи, сосед, который играет на пианино, – рассмеялась я, так и не придумав Антону подходящего прозвища. Поэтому решила сделать акцент на том, что усвоила информацию про фортепиано.

Резвая окушка

До конца недели я только и думала, как побыстрее попасть на балкон. Это место стало для меня важным с тех пор, как я познакомилась с Антоном. Меня напрягало долгое торчание на работе. Я буквально отсчитывала часы до конца смены, чтобы сесть в окушку и поехать домой, на любимый балкон пятого этажа.

Родители задавались вопросом, почему их дочь все еще не вернулась в родную квартиру. Каждый день мама названивала бабушке и интересовалась о моих делах. Бабушка во время разговора протягивала мне трубку от телефона, когда я была в зоне досягаемости. Но я отрицательно мотала головой, не желая возвращаться к теме из леса. У Антона на этот счет тоже было свое мнение. Он говорил, что я веду себя как маленькая обиженная девочка. Родители уже приняли решение, было бы неплохо принять его и мне наконец. На подобных нотах заканчивались теплые разговоры и начинались споры. Антон обожал со мной спорить. Утверждал, будто я невыносимый пессимист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.